

Слёзы Турана -26: Курултай

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -26: Курултай КУРУЛТАЙ

Ягмур сразу же узнал Абу Муслима, обнял его и прильнул щекой к его груди. Он принялся угощать странника жирным мясом, но изможденный дервиш отломил кусочек сухого чурека, пожевал его коричневыми остатками зубов и запил холодной водой из тыквы. Юноша и дервиш уединились за холмом и долго разговаривали.

– Крепись, богатур, ибо новость, которую я скажу тебе, может заставить плакать слезами радости, – прошептал дервиш.

Ягмур насторожился.

– Что за новость, мудрейший?

– Мне велено передать тебе...

– Аджап! – сразу же догадался Ягмур.

– После того, как ты видел ее на стенах Самарканда, горбун увез девушку в горы. Исмаилиты упрятали ее в дальние кочевья.

– Что им нужно от Аджап?

– Они хотят, чтобы хранитель книг стал шпионить во дворце султана Санджара. Аджап теперь заложница!

– А что же мне делать, мудрейший?

– Пусть джигит поднимет голову и не боится страха и страшных испытаний, – поучал дервиш. – Все остальное во власти неба и на острие твоего меча, джигит!

Клятвой и мольбой прозвучали в устах Ягмура слова песни:

Снег и холод – все пройдет,

солнышко растопит лед.

Эй, табунщик, я прошу:

не жалея теперь коня!

Скакуна гривастого

для меня несчастного!..

Шумное стойбище готовилось к боевому дню – крепили подпруги, точили мечи, приводили в порядок седла и колчаны со стрелами,

когда на возвышенности, у шатра гулко ударили барабаны и во все стороны поскакали нукеры, сзывая огузов на большой совет. В голосе встревоженных нукеров, в дробных звуках барабанов, которые были слышны по всему стойбищу, было что-то зловещее. Тревога заставила огузов быстро опоясывать себя ремнями с оружием и бежать к коням.

И вдруг в стойбище наступила тишина. Женщины, захватив детей, закрывали юрты, тушили костры. Со всех концов к возвышенности неслись всадники, нахлестывая лошадей. У подножья горы они садились на корточки, привязывая узду к поясу. Начинаясь большой предгрозовой сбор.

А за холмом продолжался затяжной разговор. Ягмур долго уговаривал абу Муслима взять в подарок отбитого у кара-китаев высокого крепконового коня.

– Богатство наше – простор вселенной. Ноги – быстрые кони. Верный друг – посох, – отвечал юноше дервиш. Кто знает, что несет нам грядущее?.. Может быть, завтра добрый конь тебе спасет жизнь! А мои сухие, уставшие ноги уже давно просят на отдых.

Разговаривая, они обошли рощицу пахучей джиды и разместились в тесных рядах пастухов. Многие из собравшихся, сидя на корточках, большими острыми ножами строгали деревянные палочки.

– А какой ветер занес вас в это узкое ущелье, где завтра шакалы будут устраивать той? – спросил чернолицый и белозубый пастух абу Муслима.

– Вчера я сказал родовым начальникам, чтобы женщины из трав, указанных мною, делали отвары и готовили тряпье для перевязки воинов. Я должен всегда быть там, где тяжелое испытание ожидает людей.

Озабоченные воины вдруг зашумели, плотнее придвигаясь к замшелому камню, с которого должен был говорить Онгон. Шумная волна прокатилась и стихла в зарослях арчи. Два нукера принесли ковер и постелили его у камня.

Барабаны ударили в последний раз...

– Богатуры! – взмахнув рукой, начал Онгон... – Всесильное небо прогневалось на вас и разместило в этом каменном бурдюке,

ниспослав нам врагов, огромное войско султана Санджара. Здесь, среди каменных глыб, мы должны решить свою судьбу. – Онгон выбросил руку в сторону входа в ущелье. – Там стоит враг. Два раза перед нашими послами стража султана закрывала двери. Как стадо диких ослов эмиры хотят растоптать наши шатры. Детей и жен захватить в плен и продать в рабство. Вас, славные богатыри, превратить в своих рабов, а тех, кто поднимет меч, – уничтожить!

– Веди нас в бой, храбрый Онгон!

– Смерть врагам!

– Бросай боевой клич, Онгон! Мы накажем презренных, а если и погибнем, то с оружием в руках, как завещали предки!

– Лучше умереть в битве, чем быть рабами!

– Одумайтесь, люди! – вдруг взбежал на холм один из пастухов. Он принялся кричать и размахивать руками. – Кто видел, сколько стоит перед нами войска? Если всех овец собрать в одно стадо, то и тогда это будет ничто в сравнении с отрядами противника. Люди! Надо в последний раз отправить послов, собрать крупный выкуп. Пусть каждая семья отдаст все серебро. Султан помилует, отведет войска!

В воздухе засверкали обнаженные сабли и пики. Войны всколыхнулись, пришло в движение огромное людское море.

– Огузы! – поддерживая кричавшего погонщика, выступил вперед Онгон. – Кто может усомниться в нашей силе и нашей победе? Никто. Султан Санджар пришел сюда потому, что боится оставить нас свободными. Он хочет расправиться с теми, кто подобно орлам может постоять за себя и вырвать кусок лучшего мяса!.. Так стоит ли нам сегодня тратить свои силы. Всевышний дал людям не только силу, но и разум. Не лучше ли сохранить жизнь многих, но поступиться отарами овец, которых можно еще вырастить. Не так ли, огузы?!.

– Не слушайте его! – вдруг поднялся из рядов старик в бараньей шапке. Ягмур узнал старика: это был смелый лодочник. – Мы орлами налетим на ожиревших султанских собак, вырвем у них не только победу, но и длинный поганый язык! – азартно призывал старик.

– Тебе не остается ничего, делать, – перебил его Онгон, – как

гоняться за чужим серебром! Я согласен отдать шапку золота. А таких, как эти, – и он косо посмотрел в сторону старика-лодочника, – надо гнать!..

Кочевники так зашумели и заспорили, что в некоторых местах поднялись клубы пыли. Долговязый степняк, зацепив деревянным крючком подосланного крикуна, который пугал воинов и предлагал выкуп, натужился и выдернул его из толпы.

– Долой собаку! – кричали вдогонку.

– Получай для султана шапку овечьего навоза!

– Веди нас в бой, славный Джавалдур! Мы готовы доказать султанским лизоблюдам, как могут драться и умирать за свою честь вольные огузы!

Молодые воины кричали с соседнего холма:

– Эй, где ты, храбрый Чепни! Или твой меч уже заржавел?

На возвышенность поднялся степняк в остроконечной шапке, в расстегнутом халате. Лицо его было в саже, по огрубевшим рукам в ожогах и ссадинах можно было узнать в нем кузнеца.

– Слушайте, люди! Наши свободолюбивые предки не раз выступали против султанской власти. Оружием доказывали они свою любовь к свободе. Скажите, кто из вас хочет продать детей и жен в рабство? Отступить некуда. За нашими спинами – скалы. Впереди – враг. Так встретим же его с оружием, а умрем стоя. Не опозорим народ свой, огузы.

И снова площадь зашумела, слышались призывы к бою.

Нукер, прикрывавший плечи и спину конской шкурой, с силой ударил по барабану, требуя внимания.

Онгон поднялся на камень.

– Обе стороны правы! – крикнул он громко и сурово. – Повелеваем готовиться всем и каждому к битве! А утром мы отправим послов, пусть еще раз попытаются найти путь к сердцу врага.

Негодую, воины вскакивали на застоявшихся коней и старались разгорячить их плетями и руганью... Стойбище не замолкало до самого утра. Вперед выкатывались крытые кошмами фургоны. Особые отряды рыли глубокие ямы, укрепляя на дне острые камни, обломки копий, колья и верблюжьи кости. Низко и густо стелился кизячный дым. Вспыхивали косматые костры, освещая суровые лица

женщин, готовившихся в завтрашней битве умереть вместе со своими мужьями, но не сдаться врагу. Всадники металась от костра к костру, раздавая боевое оружие ремесленникам.

А в шатре буйного и нетерпеливого Чепни в это время шел боевой совет. Джавалдур предложил свой план: пока женщины и дети будут двигаться в сторону противника, отряды воинов должны обойти врага и неожиданно напасть на него.

– Совет старейших будет против, – сказал Чепни.

– Все это мы сделаем сами, чтобы смыть позор завтрашнего дня!.. Мы отберем самых молодых и крепких, – продолжал Джавалдур. – Ночью обернем копыта лошадей кошмой, проберемся во вражеский лагерь и неожиданно нападём.

Стоявший у входа воин обнажил меч.

– А пока дадим клятву: лучше умереть, чем плен!

И каждый из присутствующих протянул руку над огнем, присягая на верность и стойкость.

Над стойбищем стояла глухая ночь, когда закончился сбор, и шатер опустел. Громко перекликались часовые, ржали лошади, пахло овечьим навозом. И было видно, как там, далеко у входа в ущелье, полыхали огромные костры.

Старшины, остановившиеся на холме, долго смотрели вдаль. И никто не знал, что их ждало завтра. Три богату-ра крепко обнялись на прощанье, готовые драться насмерть и не склонить голов перед врагом.

– Ягмур, – вдруг сказал Чепни, возвращаясь к шатру. – Если завтра кто-то из нас останется в живых, то пусть главным его желанием будет спасение прекрасной Аджап.

Очень тронула Ягмура речь богатура, и он быстро обнажил меч. Отважные воины скрестили сталь, поклявшись в преданности друг другу.

...Высокий, в рубахе из красного шелка, Онгон тяжело развалился в широком седле. С совета старейшин он приехал злой, и его меньше всего интересовал исход боя. Он знал, что останется цел и невредим. Свои стада он еще раньше приказал пастухам отогнать на отдаленные высокогорные пастбища, известные немногим. Узкие проходы завалили камнями, а где можно – обвалили снежные глыбы.

Гнев закипал в его груди. Он – бек Онгон, прямой наследник древнего рода, уступил в споре вшивому голодранцу Чепни. Онгон с силой опустил плеть на пыльный круп лошади и так рванул уздечку, что конь захрапел, а по гладким большим губам полилась струйка крови. Закусив удила, жеребец рванулся по каменистой тропе. Онгон дернул за узду и ударил коня тяжелой камчой между ушей. Нет, не удержал Онгон в поводу бешеного жеребца, упустил... Но конь не убежал далеко: крепкий аркан упал на шею...

Онгон еще больше обозлился. Он долго сидел в темноте один, скрипя от обиды зубами.

– Стража!

Полог откинулся, и вошел человек со светильником в руке.

– Поставить вокруг шатра двойной караул, чтобы мышь не проскочила! – Онгон прикрыл рукой светильник и быстро добавил – Собери наших!..

Вскоре шатер заполнили родственники Онгона. Справа разместились сыновья, слева – братья, а дальше сидели родственники по отцу и матери.

– Всесильное небо сегодня не захотело уважить желания нашего рода. Да будет день будущий вознаграждением нам за труды и старания! Завтра решается судьба многих, – Онгон тяжело поднял голову и уставился в верхнюю отдушину шатра. – Небо нас наказало, оно и поможет нам добиться большой удачи. Сегодня мой жеребец трижды споткнулся на каменистой тропе. Трижды!.. Это число нам всегда помогало в схватках. Готовы ли твои люди? – обратился Онгон к старшему сыну.

– Они рвутся выполнить твой приказ, отец!

– Знаешь ли ты отведенное тебе место?

– Оно в сорока восьми шагах от замшелого камня на восход солнца!..

Онгон внимательно опросил каждого. И все отвечали быстро и точно.

– Запомните, – предупредил он, – ваши кони должны быть самыми свежими и быстрыми. – Онгон вскинул руки и помолился. – О небо, благослови меня и мой род, помоги сделать задуманное. – Онгон резко поднял с ковра свое огромное тело. И все, кто был

в шатре, тут же вскочили звеня оружием.

– Готовы ли вы постоять за наше дело?

– Клянемся! Постоим за свой род и за тебя, Онгон! – приглушенно раздалось под сводами шатра.

– Тогда слушайте и повинуйтесь! Берегите своих коней и силу воинов. Ждите моего сигнала. Если счастье повернется к нам, то я – Онгон, и вы, мои близкие, еще больше разбогатеете и прославитесь, подобно предкам. А теперь идите, готовьтесь! Перед самым сражением я расскажу о главном!..

* * *

Умный, опытный Джавалдур на этот раз ошибся. В лагере Санджара царило не боевое оживление, как это казалось издали, а бурное недовольство. Подчиненные не хотели выполнять приказания. Посланные в разведку не все возвращались.

– Я устал, – жаловался Анвар, переведенный из дворцовой стражи в отряд Кумача. – Судьба меня водила по всем походам султана, и каждый раз она сияла и трепетала в ожидании хорошей добычи! Но где оно – счастье? Чужое золото ложилось на мое тело глубокими ранами. А в одном бою мне перерубили на ноге жилы. Не случится ли такое и с головой?..

– В Серахсе от приезжих купцов я слышал, что в Румии воинам на старости лет дарят дом и мелек, дают помощь из средств государства, – отозвался сосед.

– Да исполнятся твои желания! – усмехнулся Анвар. – Жди щедрот от беков, но знай и всегда помни: не будет бедным от них добра. Всегда была и будет стена высокая между беками и такими бедняками, как мы с тобой! Воюем мы много, а за кого и зачем воюем? Об этом тоже надо подумать. Должно же быть на свете и наше счастье – бедных И рабов!.. Вот посмотришь, джигит, после этого боя бекам опять прибыль будет, а нам подыхать, как бездомным псам... – Анвар заговорил громче, но, спохватившись, опасливо взгляделся в лицо соседа. – Давно мы с тобой в одном десятке, а никак не могу узнать: не курд ли ты?

– Нет. Я огуз из Ирака. Но так давно живу в Мерве, что позабыл, где находится моя родина. Я был в личной охране

султана... А до султанской службы когда-то бежал из плена. Подобрал меня избитого дервиш. С тех пор священный Мерв стал моей второй родиной.

– И ты отправился в поход за большой добычей?

– О, судьба посмеялась надо мной. Однажды на охоте по прихоти султана меня сделали толкователем снов. А я лучше копаю кяризы и стригу овец...

– Не кричи, джигит, подслушают!..

– Пусть, мне все равно; все надоело, – закончил воин, сгружая с верблюда саксаул.

– Клади дрова в огонь, – посоветовал сосед. – Ночь будет прохладной.

Анвар молча стал устраиваться спать.

– Хоть до неба разведи костер, а завтрашнего дня все равно не увидишь, – проворчал он, укрываясь чапаном и подкладывая под голову лохматую шапку. – Вокруг нас ночь. Глухая и длинная ночь.

– Будь я проклят до десятых внуков! – вскочил в темноте онбаши. – Или вы ляжете спать, или в моей руке останется один черенок от плети! – и он опоясал болтунов витым ремнем.

Джигит схватился за нож, но, опомнившись, тут же отдернул руку.

– Ха! – взревел онбаши. – Хватит, терпенье мое кончилось. С тех пор, как тебя выгнали из толкователей снов, не стало мне покоя. Будь я проклят до десятых внуков, если не сделаю того, что задумал! – онбаши схватил джигита за полу халата и поволок по камням к шатру высшего начальства.

...Ничего не жалел Анвар. Воины его спали тяжелым походным сном. Анвар собрал пожитки, оседлал тощую кобылу и, перекинув ногу через седло, поехал. Лошадь медленным шагом направилась в сторону лагеря хорезмийских вольнонаемников, которые завтра последними должны будут войти в стойбище огузов.

В другом конце лагеря на небольшой возвышенности, под шелковым шатром нежно пела лютня в тон флейте, бодряще рокотали бубны и барабаны. В покоях султана Санд-жара ярко полыхали светильники. Здесь почти до зари не могли решить, как завтра двинуть войска в узкий проход ущелья. Не всем подданным

султана хотелось принимать участие в битве. Поговаривали, что огузам надо сдаться на милость победителя. Военный совет решил: при первых лучах солнца обрушиться всей мощью на кочевников. И чтобы не опоздать, заранее разделили между эмирами косяки лошадей и отары овец, которые завтра будут взяты у огузов.

...Ночь тянулась медленно, и Анвару не спалось. Он поднялся, стал внимательно осматривать свое снаряжение, поточил меч, осмотрел стрелы, копье.

– Молодец, – похвалил онбаши. – Огузы крепко дерутся на конях. Не успеешь мигнуть, как срубят твою пустую голову!

Старик вынул меч, пододвинув горячую золу ближе к кумгану, долго наводил стальное лезвие на маленьком камне.

Онбаши, готовясь к утренней молитве, медленно и неохотно снимал сапоги.

– Да, оцени, аллах, мудрость абу Муслима, который говорил, что нет больше радости на земле, чем мир на душе.

Бывший толкователь снов насторожился.

– Мой господин, вы вспомнили мастера, торгующего у Мургаба сырцовым кирпичом?

– Нет, – подкладывая под себя протертое седло, отозвался онбаши. – Я вспомнил дервиша, брошенного в зин-дан в дни моей далекой молодости, – жилистые руки вознеслись к небу. – Да отворит аллах своей милостливой рукой ему ворота в рай. Верная стража схватила его, как участника убийства родственника султана султанов. О, горек хлеб в зиндане. В последнюю ночь абу Муслима я открывал султану дверь, который захотел видеть святого шейха. Абу Муслим гневно говорил с нашим великим повелителем. Выходя из темницы, султан приказал выпустить дервиша... Во время этой встречи Санджар сказал абу Муслиму, что это он приказал его любимой Зейнаб в наказание за измену выжечь груди раскаленным железом... Страшно даже подумать, какой была встреча в зиндане.

После слов онбаши опечаленный Анвар расстелил халат у огня, повернулся лицом к восходящему солнцу и долго молился, то и дело вспоминая имя дервиша абу Муслима.

– Кончай молитву, – оборвал его онбаши. – Час удачи пробил, к

полудню в наших хурджунах будут звенеть драгоценности.

Анвар тяжело поднялся, вымыл пиалу, и, собрав остатки чая в тряпочку, неторопливо стал укладывать в переметные сумы свой скарб.

– Скорее! – подгонял воинов онбаши. – Надо торопиться, храбрые барсы! Жены огузов ждут вашей ласки... К вечеру они приготовят плов из баранины!

Собрав небольшие пожитки, хорасанцы выстроились у подножья холма, увенчанного шатром султана.

Неожиданно перед войсками Санджара открылось невиданное зрелище: от лагеря огузов, опустившись на колени, ползли старики, женщины и дети... Они тянули руки к небу, посыпая головы песком, размазывая слезы на глазах. Над серой, подвижной массой ползущих стоял стон, слышались призывы пощадить.

Воины растерялись, стали осаживать лошадей. Темники и юзбаши, окруженные личной охраной, растерянно объезжали ряды. Они приготовились обогреть свои сабли в бою с достойным противником, а тут немощные старцы и младенцы!..

От султана тут же прибыл приказ, в котором говорилось, чтобы немедленно разогнать людские толпы, мешающие наступлению войск.

Отбрав две сотни самых преданных воинов, онбаши и юзбаши бросились в самую гущу, взмахивая окровавленными плетками. Удивленный всем происходящим Анвар, приподнимаясь на стремянах, старался рассмотреть на стороне огузов знакомые лица... Ягмура, Чепни, Джавалдура, людей, которых не уберег от султанских стрел, отравленных ядом. Но густая пыль плотно заткала ущелье.

И вдруг послышалось, как в лагере огузов затрубил рог.

Анвар, подтянув удила лошади, тихо помолился, прося аллаха защитить слабых и опустить карающую руку на презренных, старающихся выслужиться перед султаном и зверски избивающих детей и женщин. Тагуһу проза